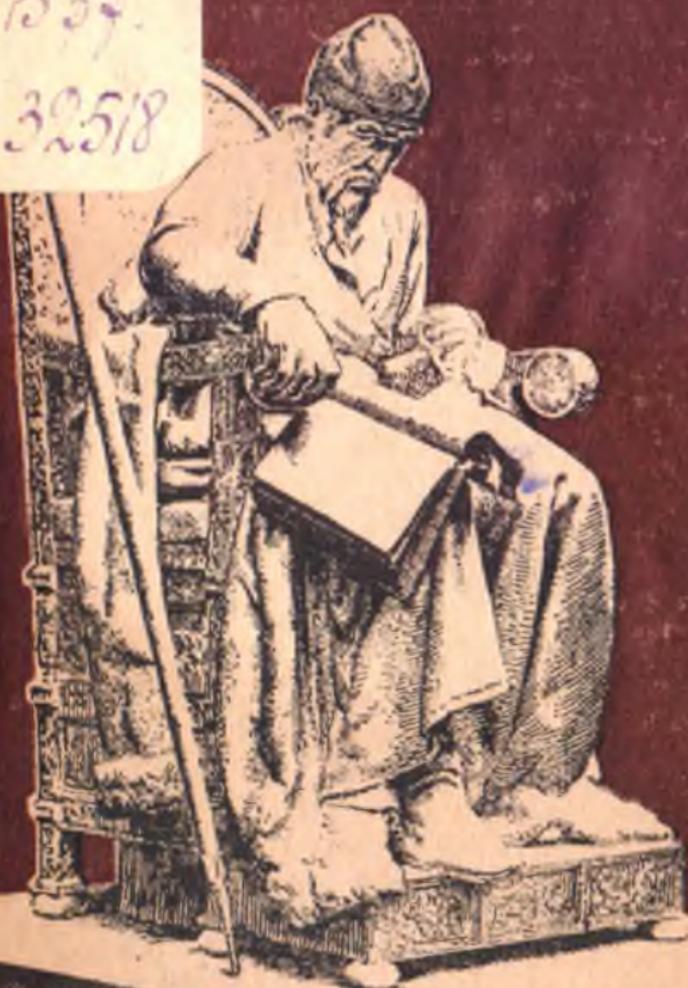

АНТОКОЛЬСКИЙ

73

В 3 т.

Р 32518

МАССОВАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСКУССТВО

Петр I

Л. ВАРШАВСКИЙ

АНТОКОЛЬСКИЙ
МАРК МАТВЕЕВИЧ

1843—1902

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»

Москва 1944 Ленинград

Редактор А. Леонов

ЛЗ4054. Подписано к печ. 18-1 1944г.
Печ. л. 1/2 л. Уч.-изд. л. 0,597.
Тираж 15000. Знаков в печ. л. 52300.
„Искусство“ Ю-01. Заказ 2058.

Цена 1 руб.

Тип „Красный печатник“ Гос. изд-ва
„Искусство“, Москва, ул. 25 Октября, 5.

Величественная фигура Петра твердо стоит на высоком постаменте. Одетый в преображенский мундир, в треуголке, в грузных ботфортах, с тяжелой тростью в руке, он, стремительно шагавший, вдруг остановился, словно для того, чтобы всмотреться в будущее. Петр изображен в состоянии той решительной минуты, когда его тяжба с веками, его титанская борьба с самой природой в стремлении к национальному возрождению страны, его борьба с врагами родины готовы увенчаться успехом... Он только что выиграл величайшую битву, Полтавское сражение, которое представляло собой «не простое сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови», но было «битвой за существование целого народа, за будущность целого государства» (Белинский).

Это точный в своей документальности скульптурный портрет Петра — великого полководца и преобразователя.

Вот перед нами и другой образ — крупнейшего государственного деятеля Руси — Ивана Грозного. Статуя отличается поразительной конкретностью и вместе с тем сложностью, глубиной характеристики. «Эта голова способна к великим преисправлениям и мыслям, весь этот облик говорит о могучих способностях души», — писал известный

критик В. В. Стасов об этом, как он говорил, «пламенном произведении».

Сильными и мужественными борцами за процветание своей страны представляются Иван Грозный и Петр I в изваяниях замечательного русского скульптора — Антокольского.

* * *

Марк Матвеевич Антокольский родился в Вильно в 1843 году, в небогатой еврейской семье. Антокольский испытал достаточно лишений и горя. По ночам, когда кончалась его дневная работа в харчевне, которую содержал его отец, он, тайком от всех, лепил маленькие фигурки из глины или вырезал их из дерева. Страсть его была непонятна родителям, осуждавшим эти увлечения, но на талантливого юношу обратили внимание местные влиятельные лица и дали ему возможность отправиться в Петербург.

Приехав в 1862 году из родного Вильно в столицу, Антокольский сразу попал в среду передовых художников. Пополняя свои знания, посещая Академию художеств, он в то же время с жадностью воспринимал демократические идеи эпохи, и вместе с Крамским, Репиным, Суриковым, Ярошенко Антокольский выступил вскоре как основоположник «идейного реализма» в русском искусстве.

Молодого Антокольского не могло удовлетворить то направление в скульптуре, которое он застал в петербургской Академии художеств, где царило увлечение красивыми классическими формами, отвлекавшее художников от окружающей действительности, от общественных интересов эпохи.

На втором году пребывания в академии Анто-

Иван Грозный

Летописец Нестор

кольский получает серебряную медаль за скульптуру из дерева «Еврей-портной», а в следующем году создает другую скульптуру из слоновой кости и дерева — «Еврей скупой».

Уже в этих первых произведениях Антокольского, созданных им задолго до «Ивана Грозного» и «Петра I», можно видеть попытки молодого скульптора-новатора внести в скульптуру ту самую жизненную правду, какую можно видеть в картинах передовых русских живописцев того времени. Уже в этих ранних работах заметно воздействие на творчество Антокольского направления, ростки которого стали настойчиво пробиваться в изобразительном искусстве начала шестидесятых годов.

Молодой скульптор работал над своими первыми произведениями как раз в тот знаменательный 1863 год, когда четырнадцать конкурентов Академии художеств во главе с Крамским отказались писать на заданную им мифологическую тему. Антокольский приветствовал Крамского, поднявшего знамя борьбы за реализм в искусстве.

Молодые художники тогда с жадностью набрасывались на книги, стремясь к образованию, которого они по существу не получали в академии, чутко прислушивались к биению общественного пульса, ставили себе новые задачи. Об этом образно рассказывает Антокольский в «Автобиографии»: «Мы бросились искать знания; сами не зная, где его найти,— искали в книгах, читали все, что только было тогда в переводе на русский язык; читали без отдыха и без системы. Говоря «мы», подразумеваю тут и моего сожителя Репина, с которым я шел почти рука об руку»

(Репин и Антокольский в течение нескольких лет прожили вместе, на одной квартире). «Почти никогда не засыпали мы без чтения, продолжавшегося далеко за полночь. Читались и греческая философия, и Бюкль, и Дарвин, и исторические романы. Перебрали и в нашей литературе все, что было в ней выдающегося».

Репин также в своих «Воспоминаниях о Крамском» ярко и живо описывает жизнь тогдашней художественной молодежи, ее стремление к самообразованию, роль в этом отношении вождя и трибуна молодежи Крамского.

Развитие русской исторической и общественной науки пробудило всеобщий интерес к прошлому народов России: начинают издаваться периодические издания, специально посвященные историческим материалам, несметные толпы слушателей посещают лекции историка Н. Костомарова в Петербургском университете, возрастает интерес к историческим драмам, повестям и романам; исключительным успехом пользуются «Псковитянка» Мей, «Князь Серебряный» и «Смерть Ивана Грозного» А. Толстого; приобретают широкую известность исторические картины В. Шварца и его иллюстрации к «Князю Серебряному». В этой благоприятной обстановке у восприимчивого и горячо любившего русскую историю Антокольского родились первые мысли о создании образа Ивана Грозного.

«Я давно задумал создать «Ивана Грозного». Образ его сразу врезался в мое воображение, — пишет Антокольский в «Автобиографии». — Я принялся за работу со всей энергией, которою обладал: под напев гнул железо, устраивал каркас,

начал обкладывать фигуру с лихорадочной торопливостью. Работал, не чувствуя ни усталости, ни голода... Мне хотелось передать все то, что я чувствую, все, что пережил, вложить свою душу в эту глину, вдохнуть в нее жизнь... Каждый штрих, каждый мазок я делал с трепетом»...

Работая с большим увлечением, скульптор почти не выходит из мастерской. Изредка прогуливаясь по набережной около академии, рассеянно глядя на окружающее, Антокольский непрерывно думает о своем произведении, перед ним «все он, недовершенный образ»... «Я унесил его домой и засыпал с ним, нетерпеливо ожидая завтрашнего дня», — вспоминает об этой поре своего творчества Антокольский.

Стасов был первый, кто увидел «Ивана Грозного» в мастерской Антокольского в 1871 году и возвестил об этом в печати, сообщая о появлении значительной по своему идейному содержанию и национальному выражению «новой русской статуи».

Когда в том же году Антокольский ее закончил, И. С. Тургенев писал об этом произведении: «Впечатление так глубоко, что отделаться от него невозможно: невозможно представить себе Грозного иначе, чем каким его подстерегла фантазия Антокольского. По искренней правде, гармонии и несомненности впечатления его произведение напоминает древних, хотя, с другой стороны, оно всею сущностью своею принадлежит к новейшей характерно-психологической, живописно-исторической школе ваяния». Тургенев был прав, оценивая эту полную драматизма и страстности скульптуру как новое в русской школе явление. И не случайно, что время создания Антоколь-

ским «Ивана Грозного» — 1871 год — совпало с открытием первой выставки «передвижников», с этим проявлением мощного движения демократии в русском изобразительном искусстве.

Выставка «Ивана Грозного» имела успех неслыханный. Все славили и превозносили Антокольского за его талант. Ему было присуждено звание академика. Эрмитаж приобрел бронзовую копию, Русский музей — мраморную, а Кенсингтонский музей в Лондоне — гипсовую.

Для начинающего скульптора это явилось исключительным триумфом.

Нелегко было Антокольскому работать над этим образом.

Обращаясь к трудам историков и запискам русских бояр о «грозном царе», художник встречался с односторонними суждениями о жестокостях Грозного, причем обычно упускалось из вида главное — его огромная государственная деятельность.

«Иван Грозный» Антокольского — это портрет крупнейшего политического и военного деятеля русской истории шестнадцатого века.

Вот он перед нами, напряженно смотрящий в пространство, как бы вспоминая свою жизнь, полную бурными событиями, в которых выковывалось будущее русского государства. Еще юношей, двадцати одного года, во главе сотысячного воинства Грозный покоряет Казанское царство, а затем присоединяет к своему государству Поволжье вплоть до Астрахани; московские воеводы доходят до Кавказа и ставят крепости на Тереке. Ливонская война показала не только могущество Московского государства, разбившего на-

голову немецкие войска, но также искусную дипломатию и торговую политику Грозного.

Почти вся жизнь его прошла в войнах. Достаточно вспомнить тяжелую борьбу с сильным противником Стефаном Баторием и героическую оборону Пскова, когда русский народ проявил свою великую доблесть, защищая каждую пядь родной земли.

Не менее тяжка была борьба Грозного с боярами, которые, как он сам писал в своей грамоте, «держа за собою поместья и вотчины великие и кормления и собрав себе великие богатства, не радели о государстве... не обороняли их от внешних врагов». Грозный лишает политического значения крупных феодалов, набирает верных себе людей в «опричнину», чтобы «выметать измену» и «грызть» государственных изменников. Все это стоило ему немалого душевного напряжения. Но не в интересах своей личности совершались им все эти деяния, а во имя создания могущественного государства. Народ сочувствовал и поддерживал его в этом.

Так вот почему испещрено его гордое лицо морщинами, вот отчего печать тяжкого раздумья лежит на нем! Душевное движение отразилось и в очертании худощавой, нервной, но величественной фигуры, и в кистях рук, и в величаво опущенной голове, и в пронизывающем взоре. Положив на его колени книгу, Антокольский подчеркнул и напомнил, что Грозный был, по словам современников, «смыслением быстроумный», «в науке книжного поучения доволен», «во словесной премудрости ритор». Это он впервые ввел в Москве книгопечатание.

Скульптура Антокольского «Иван Грозный» цен-

на как живой портрет исторического лица, принесшего всего себя в жертву на славу и процветание своей Родины.

«Петр I» — вторая и значительная ступень в творческом пути Антокольского.

Изучая замечательную эпоху, в которую жил и горел Петр, Антокольский весь отдается работе над статуей.

Работая над «Петром», он забывает свою личную жизнь.

«Скажу вам по секрету, — пишет он Стасову из Рима в 1871 году, — я действительно полюбил одну девушку в Вильно, но пока между нами стоит «Петр». И я раньше не женюсь, пока не разлюблю его, а это еще не скоро будет. «Петр», как гвоздь, торчит у меня в голове, кроме него в настоящее время ничего не вижу... я по целым дням с утра до вечера работаю около «Петра». Я очень устал, но легко ничто не дается... «Петр» должен быть сделан!» Антокольский положительно забрасывает письмами Стасова с просьбой прислать ему изображения Петра, рисунки военных мундиров Преображенского полка петровской эпохи, оружия, знаков отличия, добиваясь в своей работе наибольшей исторической точности.

Молодой двадцативосьмилетний скульптор стремился воплотить в своем произведении величие эпохи Петра, показать в своей скульптуре Петра так, чтобы в ней отразилась

...та смутная пора,
Когда Россия молодая
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

А. С. Пушкин

И снова ему удается создать живой и значительный образ.

В своих многочисленных письмах к друзьям Антокольский нередко упоминает о задачах своего творчества. От степени развития художника, от его отношения к окружающему миру «зависят выбор сюжета и самый взгляд на искусство. Чем более он развит, тем шире его горизонт и тем глубже и вернее он чувствует». Сам скульптор много читает, думает о прошлом и будущем России.

«Я рад за Россию, моя надежда на нее не угасает», — пишет он В. Стасову в 1874 году. «Вся жизнь моя и надежда — в будущем», — пишет он ему же в 1876 году. «...Где же утолить жажду мою? В чем я могу выразить мою душевную боль, как не в людях сильных, могучих духом, которые вечно, как тени, стоят перед человечеством во всей его истории! Подобных личностей мы называем «историческими», их все знают с колыбели еще, о них все слышали, но никто их не видел. Так вот я и хочу показать их».

Склоняясь над книгой, рукописью, старинной гравюрой, он стремится проникнуться духом русской истории и отходит к станку только лишь для того, чтобы своим резцом подчеркнуть еще одну деталь, придать какой-нибудь черте еще большую характерность.

Он торопится, создавая один эскиз за другим. Ведь так мало отражены эти люди в искусстве и так слабо показаны изумительные черты каждой богато одаренной натуры!

С особым рвением Антокольский принимается за исполнение барельефа «Ярослав Мудрый».

Его увлекают самые поиски образа этого поборника культуры в Киевской Руси.

Необыкновенно жизненна голова Ярослава. Огненный, волевой его взгляд, резко очерченные скулы, тонкая прорезь рта, прямой нос, короткая, волнистая, угловатая борода, проникновенное, сосредоточенное лицо характеризуют его как натуру мыслящую, предприимчивую.

Скульптор изобразил Ярослава в тот момент, когда его озарила внезапная и быстрая мысль. Перед богатством изумительных черт его лица бледнеет убранство княжеского костюма, красивая орнаментация которого выполнена скульптором детально и умело. Огромная книга с надписью на корешке «Русская правда», как бы служащая подставкой для бюста, только лишний раз указывает на Ярослава как на мудрого законодателя Руси одиннадцатого века. Ярослав представлен именно таким, каким он описан в Лаврентьевской летописи 1037 года, где о нем говорится, что он «к книгам прилежа».

В одиннадцатом веке на Руси выдвигаются целые группы людей, начитанных, знакомых с мыслями древних писателей, которым хорошо «ведомы книги». Книжки сравниваются с реками, «напоющими вселенную».

Ярослав призывает сведущих людей к написанию истории, где повествовалось бы, «откуда есть пошла русская земля».

Древнерусскому летописцу и посвящает Антокольский одну из следующих своих статуй. В ней скульптор изобразил летописца Нестора, склонившегося над большой книгой, освещенной лампадой. куда он вписывает события из жизни великого

Ермак

Мефистофель

народа. В бронзе оживает вновь перед нами образ летописца, отца русской исторической науки, гениально воспетый Пушкиным в его Пимене: вот, кажется, сейчас и Нестор, засветив свою лампаду

И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу...

А. С. Пушкин

«Нестор» — одно из лучших изваяний Антокольского. Все в этом произведении приведено скульптором к гармонической цельности.

«Ермак» — одно из произведений, относящихся к последнему этапу творческого пути Антокольского. «Мне хотелось в нем выразить русскую смелость, удальство при полной бодрости, силе», — писал он Стасову.

Образ Ермака для Антокольского оказался более сложным, чем образ Нестора. Приступив к работе над этими произведениями одновременно, он несколько раз переделывает эскиз «Ермака», находя новые материалы при изучении эпохи. «Нестор» был уже давно закончен, а «Ермак» продолжал еще стоять незавершенным в мастерской, так как скульптор в поисках образа героя то давал совершенно иную трактовку фигуры, чем та, которая была в его первоначальном эскизе, то заново переделывал голову, детали костюма. Антокольский тщательно изучает известные рисунки Герберштейна, советуется с историком И. Забелиным, посещает музеи, где делает зарисовки оружия, и только в марте 1891 года сообщает в письме к Стасову, что он торопится закончить «Ерма-

ка». Пять лет жизни отдано скульптором работе над «Ермаком», колоссальный труд затрачен им на то, чтобы на основании скудных материалов дать наиболее точный облик этой исторической фигуры.

В шлеме и тяжелой броне, он смело ступает вперед. В левой руке у него секира.

С большим мастерством обрисовывает Антокольский черты лица Ермака. В нем чувствуются цельность, простота и здоровая, закаленная мужицкая сила. Это человек физически здоровый, духовно стойкий — олицетворение народа-строителя, народа-богатыря.

Антокольский изобразил Ермака как главаря вольницы, любимца народа, таким, каким сохранили его облик народные предания и песни. Умный и отважный вождь «голытьбы», беглых крестьян и бывших боярских холопов, способный вести за собой массы, он добился больших военных побед в Сибири и «бил челом» создателю многонационального русского государства Ивану Грозному, прося его принять «сибирскую землю» под свою «высокую руку».

Эта скульптура Антокольского особенно близка и дорога нам. Она говорит о человеке из народа, высокий патриотизм которого сделал его героем, чьи дела способствовали прославлению родины.

Исторические образы, созданные Антокольским, производят своей полнотой и жизненностью огромное впечатление. Силой своего художественного гения скульптор улавливал внутреннюю красоту человека, его лучшие думы и стремления.

Антокольский обращался в своем творчестве не

только к родной истории, но и к светочам всего человечества, рисуя их жизнь и борьбу со злом, их судьбу, исполненную зачастую великой трагедии. Таков мыслитель Афин Сократ, только что осушивший смертоносный кубок («Умирающий Сократ»), угасающий, покинутый друзьями философ Спиноза («Спиноза перед кончиной»), так трактована им и ослепленная и истерзанная врагами, но преданная своей идее мученица («Мученица»).

Для каждого из этих образов Антокольский находит свою пластическую форму: в одном случае — ограничивается несколько грубоватыми общими линиями, в другом — доходит почти до филигранной отделки деталей. Сильная, с короткими пальцами, плетью повисшая рука Сократа, толстые, нежные, охватившие одна другую кисти рук Спинозы, опущенные крепкие руки мученицы — все это детали, обогащающие образ, подчеркивающие отличительные черты характера человека.

Из больших произведений Антокольского широкой известностью пользовалась и статуя «Христос перед народом», за которую скульптор на Международной выставке в Париже в 1878 году получил большую золотую медаль. Писатели Виардо, Ренан, художники Жером, Морелли считали, что «Спиноза», «Сократ» и «Христос» — лучшие работы во всем иностранном отделе выставки.

Еще с самого начала своего творческого пути Антокольский задумал создать образ Мефистофеля. Этой статуе предшествовал бюст Мефистофеля, который был вылеплен скульптором в 1877 году, — произведение, вызвавшее большой отголосок в

печати. Сам Антокольский называет бюст только подготовительным этюдом, который не освобождает скульптора от задачи изобразить ту «черную тень», которая преследует его и день и ночь.

Эта статуя интересна как попытка художника выразить, хотя и в самой общей форме, суровый приговор всему тому, что мешало и мешает борцам за истину, смелым новаторам человечества в их великих делах.

Большое мастерство проявил Антокольский в скульптурных портретах. Их немного, но они отличаются жизненностью, сходством и глубиной психологического анализа. Таковы портреты И. Тургенева, К. Кавелина, Н. Милютина, В. Стасова, А. Краевского, М. Гинцбурга и в особенности статуя-портрет С. Полякова.

В образах замечательных мыслителей и деятелей прошлого и прежде всего в образах передовых русских людей, в русской истории, в русской культуре и жизни Антокольский находил животворный источник своего творчества и патриотических чувств.

С большой искренностью и душевным волнением он пишет о силе привязанности своей к России в письме к Стасову в 1882 году: «Вся душа моя принадлежит той стране, где я родился и с которою свыкся. Весь я принадлежу тем, кого раньше других назвал своими. На севере сердце мое бьется сильнее, я глубже там дышу и более чуют ко всему, что там происходит... Вот почему все, что бы я ни сделал, будет всегда результатом тех задушевных впечатлений, которыми матушка-Русь вскормила меня...»